

Мотаешь гривую густой,
Бьешь землю жилистой ногой,
Грызешь съ досады удила;
И пѣна легкая — бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ —
Съ желѣза падаетъ на прахъ.

Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Вотъ слышно пѣнье, — изъ дверей
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей;
Вослѣдъ игумену-отцу
Монахи сходятъ по крыльцу,
И прямо въ трапезу идутъ:
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ
Произнесетъ отецъ святой
Надъ бѣдной, грѣшной головой!

Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣмъ налѣво два стола
И пышныхъ креселъ полукругъ —
Издѣлье иноческихъ рукъ —
Блистаютъ тканью парчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной,
Врываясь бѣлой полосой,
Дробясь въ искры по стеклу,
Игралъ на каменномъ полу;
Рѣзьбою мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистаютъ образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ,
Усердный инокъ... Жалкій трудъ!
Отнявшій множество минутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ:
Искусства горестный удѣлъ!...

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ